

RU

Аристотель Фьораванти и его роль в формировании ансамбля Московского Кремля в XV-XVI вв.

Муштанова О. Ю.

Аннотация. Цель исследования – показать роль Аристотеля Фьораванти в формировании облика Московского Кремля в XV-XVI вв. В статье рассмотрены предпосылки для приглашения Фьораванти в Москву, анализируется итальянский период его деятельности, особое внимание уделяется архитектурным решениям, воплощенным в Московском Кремле. Научная новизна исследования заключается в том, что деятельность Аристотеля в Москве впервые показана как результат сочетания разных факторов – историко-политической ситуации в Московской Руси и художественных и идейных принципов итальянского Возрождения. В результате доказано, что работа Аристотеля Фьораванти в Кремле повлияла на дальнейшее развитие русской архитектуры, а также создала почву для крупномасштабной перестройки крепости в целом.

EN

Aristotele Fioravanti and His Role in Formation of Moscow Kremlin Ensemble in the XV-XVI Centuries

Mushtanova O.

Abstract. The paper reveals Aristotele Fioravanti's role in formation of Moscow Kremlin ensemble in the XV-XVI centuries. The article examines reasons to invite Fioravanti to Moscow, analyses the Italian period of his activity, special attention is paid to the architectural decisions implemented in Moscow Kremlin ensemble. Scientific originality of the study lies in the fact that Moscow period of Fioravanti's activity is for the first time considered as effect of different factors - historical and political situation in Moscow Rus, artistic and ideological principles of the Italian Renaissance. The research findings are as follows: the author proves that Fioravanti's creative conceptions influenced the Russian architecture development and laid a foundation for a large-scale reconstruction of the whole ensemble.

Введение

Актуальность данной статьи продиктована тем, что работ, посвященных творчеству Аристотеля Фьораванти, не публиковалось достаточно давно. Исключение составляют научно-популярное издание Л. В. Соловьевой, посвященное деятельности итальянских мастеров в Московском Кремле, а также кандидатская диссертация историка Т. А. Матасовой, в которой Аристотелю отводится один параграф. Прочие исследования относятся к концу 70-х гг. XX в. и приурочены к 500-летию строительства Успенского собора. Между тем наследие болонского архитектора нуждается в постоянном переосмыслении. Как правило, исследователи сконцентрированы на каком-то одном аспекте. В рамках данной статьи были поставлены следующие задачи: проанализировать исторический и идеологический контекст, послуживший импульсом для приглашения на Русь итальянского архитектора, представить интересные факты биографии мастера, относящиеся как к итальянскому, так и к московскому периоду его деятельности, изучить и сопоставить итальянские и российские источники и исследования, описать конкретные архитектурные и инженерные решения, воплощенные в Успенском соборе, определить стилистическую принадлежность памятника и, наконец, доказать возможную причастность архитектора к проектированию Кремля в целом. Для реализации указанных задач мы пользовались такими методами, как реферирование, перевод, анализ и сопоставление источников.

Теоретической базой исследования послужили работы С. М. Земцова, В. Л. Глазычева [2], И. Л. Бусевой-Давыдовой [1], С. С. Подъяпольского [4], Л. В. Соловьевой [6; 7].

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов как дополнительной информации при проведении экскурсий по территории и соборам Московского Кремля,

в особенности для итальянских групп. Также результаты исследования рекомендуются к использованию при подготовке лекций и практических занятий по истории архитектуры и культурологии.

Исторические и политические предпосылки приглашения Фьораванти на Русь

Аристотель Фьораванти, создатель Успенского собора Московского Кремля – первый итальянский архитектор, приглашенный в конце XV в. ко двору Ивана III. Его приезд и успешная работа открыли дорогу другим итальянским зодчим: Пьетро Антонио Солари, Марко Руффо (Марк Фрязин), Антонио Джиларди (Антон Фрязин), Алоизио да Карезано (Алевиз Старый), Алоизио Ламберти да Монтаньяна (Алевиз Новый), Бону Фрязину и Пьетро Франческо ди Аннибале (известному как Петрок Малый). Именно благодаря их усилиям сложился ансамбль Московского Кремля. Резиденция русского государя, главная достопримечательность российской столицы – дело рук итальянцев, и тому есть разные причины: исторические, идеологические и, наконец, чисто практические.

Конец XV в. – ключевой период в закреплении за Москвой нового статуса: она становится столицей единого русского государства. Процесс объединения земель под эгидой Москвы был начат еще при Иване Калите в XIV в. и окончательно завершится при Иване IV в XVI в. Официально Москва считается столицей с 1478 г. после присоединения Новгорода. Данный поход, как мы увидим в дальнейшем, имеет непосредственное отношение к Аристотелю Фьораванти, так же как и стояние на реке Угре 1480 г., которое ознаменовало собой снятие татаро-монгольского ига и возвращение стране политической независимости. Эти события приводят к тому, что Иван III пересматривает свой титул, желая называться уже не великим князем, каких в Европе было много, а «государем всея Руси». Теперь актуально показать преемственность Москвы не от Владимира, а от Константинополя, и именно этой цели послужил брак Ивана III с византийской принцессой Софьей (Зоей) Палеолог [1, с. 25]. Заключенный союз был вполне закономерным событием, если принимать во внимание древние культурные связи Руси с Византией и родство русских князей с греческими василевсами (яркий тому пример – Владимир Мономах, внук греческого императора Константина). Брак Ивана с племянницей последнего византийского императора способствовал становлению концепции «Москва – третий Рим»: первый Рим пал под натиском варваров в 476 г., второй Рим – Константинополь – захвачен турками в 1453 г., и теперь настал черед Москвы: она готовилась предстать центром не только российского государства, но и всего православного мира. Идея *translatio imperii*, переноса империи, была чрезвычайно популярна в XIV-XV вв., в «Сказаниях о князьях Владимирских» род московских князей возводится через Рюрика непосредственно к императору Августу.

В связи с захватом Константинополя турками Иван III неизбежно должен был обратить внимание на Италию, так как именно там нашли пристанище представители византийского императорского двора, духовенства и культуры [8]. В частности, Софья была воспитана в Ватикане, папа Павел II активно склонял ее к браку с русским государем, очевидно, преследуя свои интересы – обратить в католичество жителей далекой Московии: еще свежа была память о Ферраро-Флорентийском соборе 1438 года, на котором обсуждалась возможность слияния церквей. Непосредственным участником Собора, кстати сказать, был кардинал Виссарион Никейский – ученый грек, воспитатель и наставник княгини Софьи при папском дворе.

Присутствие при дворе итальянских зодчих не просто служило политической доктрине «Москва – третий Рим» и ставило Ивана III в один ряд с европейскими монархами, были у русского государя и чисто практические мотивы. Итальянцам того времени не было равных в строительном искусстве и инженерном деле. Они работали в Париже, Варшаве, Амстердаме, Вене. Кроме того, Иван III планировал перестройку фортификационных сооружений, Кремль в то время по-прежнему выполнял защитные функции и не превратился из крепости в чисто парадную резиденцию, как это случится в XVII столетии. Неслучайно посольства направляются из Москвы в города северной Италии – Милан, Венецию – которые могли предоставить в распоряжение русского правителя последние технические и конструктивные новинки. Характерно внешнее сходство башен Кремля с башнями замков Ломбардии и Вероны (в частности, декор Свибловой (Водовзводной) башни является очевидной цитатой архитектуры Миланского Castello Sforzesco) [Там же].

Русский посол в Италии Семен Толбузин получает от великого князя указание подыскать архитектора-итальянца для строительства нового Успенского собора. Перестройка собора органично вписывалась в политическую программу Ивана III. Это должен был быть поистине грандиозный храм, соответствующий претензиям великого князя на роль государя мирового масштаба. Собор являлся местом захоронения московских святителей, играл огромную роль в становлении Москвы как столицы государства, а в последующие века он станет главным русским храмом: здесь с 1547 г. будут венчаться на царство российские самодержцы. Толбузин предлагает болонскому мастеру Аристотелю Фьораванти ежемесячное жалованье десять рублей в месяц, большую сумму для того времени, и уговаривает поступить на службу к Ивану III.

Деятельность Аристотеля Фьораванти в Италии

Аристотель Фьораванти был потомственным болонским архитектором, сыном Фьораванти ди Ридольфо. Согласно русским летописям, Аристотель – прозвище, отражающее хитрый нрав мастера, С. Туньоли Паттаро же утверждает, что это настоящее имя, данное при крещении [10, р. 42]. Фьораванти был универсальным специалистом, настоящим гением Ренессанса: умел передвигать и выпрямлять башни, отливать пушки, возводить мосты, чеканить монеты, проектировать фонтаны, строить гидравлические сооружения. Жизнь Аристотеля

проходила в постоянной работе между родной Болоньей, Миланом, Венецией, Мантуей, Римом, он был буквально нарасхват у итальянских правителей. Его называли “magistro Aristotele che move le torre” – мастер,двигающий башни. Он вошел в историю благодаря перемещению двадцатипятиметровой башни Маджоне при храме Санта Мария дель Темпьо в Болонье на тринадцать метров при помощи специальных цилиндрических механизмов. Передвижка зданий является непростой инженерной задачей и в наши дни, а уж в 1455 г. это действие однозначно воспринималось очевидцами как чудо. Примечательно, что в Италии Фьораванти не оставил после себя архитектурного наследия – ему приписывают только проектирование Палаццо дель Подеста (при этом С. Туньоли Паттаро, например, называет Браманте в качестве возможного архитектора постройки [Ibidem, p. 64]). Деятельность Аристотеля в Италии – это деятельность выдающегося механика и инженера, осуществившего ряд технических решений, намного опережавших его время [4, с. 47]: поднятие колокола на башню Аренго в Болонье, перенос монолитных колонн для Собора Св. Петра в Ватикане, строительство судоходных каналов в Парме, Кремоне и других ломбардских городах на службе у миланского герцога Франческо Сфорца, выпрямление башни Черезе для маркиза Гонзага в Мантуе. В Неаполе по поручению короля Ферранте Арагонского он достал с морского дна некий огромный деревянный «ящик»: скорее всего, это была завалившаяся секция волнозащитного мола, а может быть, затонувшее судно, мешавшее навигации в порту. В 1473 г. в Риме Фьораванти руководил перевозом порфиристого саркофага св. Констанции на виа Номентана, а также принимал участие в строительстве моста Понте Систо по заказу папы Сикста IV. Чуть раньше, в 1466-1467 гг., Аристотель служил при дворе венгерского короля Матиуша Корвина: возводил мосты через Дунай, укреплял границы от нападения турок, за что ему был жалован дворянский титул и право чеканить собственные именные монеты. Собственно, последнее умение сыграло против Аристотеля: на родине его обвинили в изготовлении фальшивых денег. Впоследствии обвинение было снято, однако данный инцидент, по-видимому, стал одной из причин переезда «мастера,двигающего башни» в Россию.

Спорные детали биографии Аристотеля в российских и итальянских источниках

До сих пор остаются невыясненными два вопроса. Первый – кто указал Толбузину на кандидатуру Фьораванти. Большинство исследователей, как российских, так и итальянских, сходятся во мнении, что ведущую роль в приглашении итальянских мастеров – и в первую очередь, Аристотеля – сыграла княгиня Софья. Она находилась при папском дворе как раз во время, когда в Риме велись крупномасштабные строительные работы, перестраивался собор Св. Петра. Фьораванти работает в Риме в начале 1470-х годов, то есть непосредственно перед отъездом «грекини» в Москву. Для Л. В. Соловьевой знакомство Софьи с Аристотелем Фьораванти в Риме не подлежит сомнению [7, с. 39]. Даже если им и не довелось встретиться лично, княгиня наверняка слышала о талантливом мастере от уже упомянутого кардинала Виссариона: будучи папским легатом в Болонье, он лично присутствовал при подъеме колокола в 1453 г. (о чем свидетельствует памятная надпись [10, p. 39]) и при перемещении башни Маджоне в 1455 г., за что удостоил инженера, сверх предусмотренной оплаты, личной премии в 50 лир. Толбузин, как известно из хроник, встретился с Фьораванти в Венеции, когда Виссариона уже не было в живых. Мы считаем вполне правдоподобной гипотезу С. М. Земцова о том, что посол мог взять письмо кому-то из приближенных кардинала с просьбой помочь в выборе мастера [2, с. 80].

Второй вопрос – почему Фьораванти согласился. Источники умалчивают об этом, а сделать предположение с точки зрения простой логики оказывается затруднительным. Да, оплата была высокой, но в деньгах Аристотель не испытывал нужды, его труд хорошо ценился и итальянскими правителями: в родной Болонье, например, он получил звание главного инженера коммуны в 1464 г., с пожизненным жалованьем. Возможно, Фьораванти угнетала рутинность работы на родине, на это неоднократно указывают болонские хронисты [10, p. 63]. Может, он хотел воплотить свое творческое начало в масштабном проекте – желание, вполне закономерное для мастера эпохи Ренессанса. Но какие причины побудили его согласиться ехать работать в страну, где, как писал Марко Поло, «самый сильный холод на свете»? В русской летописи приводятся слова С. Толбузина о том, что Фьораванти получал аналогичное предложение из Константинополя – строить дворец для султана Махмуда II [5, с. 199-200]. В итальянских источниках данная информация отсутствует. Как бы то ни было, Аристотель решается на долгое путешествие и в 1475 г., в уже почтенном возрасте 60 лет, прибывает в Москву вместе с сыном Андреем и ассистентом Петром. Именно здесь он создаст свой единственный и, к счастью, сохранившийся до наших дней архитектурный шедевр – Успенский собор.

Успенский собор: архитектурные решения и стилистика памятника

Первая версия Успенского собора в белом камне была построена при Иване Калите, в закладке фундамента в 1326 г. участвовал митрополит Петр, которому принадлежала идея перенести кафедру главы церкви в Москву. При Иване III старый собор обветшал, и было решено перестроить его, задачу эту доверили известным псковским зодчим Кривцову и Мышкину. Однако спустя три года после начала строительства, в 1474 г., собор рухнул. Причиной, по одной версии, стало землетрясение, по другой – недостаток мастерства псковских архитекторов: они использовали слишком жидкий известковый раствор, который в сочетании с щебнем (так называемая кладка с забутовкой) вызывал эффект расpirания стен и мог привести к обрушению [1, с. 26].

Приглашение опытного иноземного «муроля» было продиктовано практическими соображениями: изначально планировалось не строить новый собор, а восстанавливать храм Кривцова и Мышкина (при обрушении пострадала только северная часть), и умение двигать тяжелые конструкции и выпрямлять башни как нельзя лучше соответствовало требованиям заказчика [7, с. 34].

Аристотель, прибыв на место, заключил, что собор не подлежит восстановлению. Полуразвалившуюся постройку мастер снес при помощи специального орудия под названием «баран». «Еже три года делали, во едину неделю и меньше развали» [5, с. 204], – дивится впечатлительный русский летописец и уподобляет Фьораванти римскому императору Титу, разрушившему Иерусалим при помощи той же стенобитной машины. При создании фундамента новой церкви Фьораванти использовал технологию, типичную для итальянского строительства – он велел выкопать рвы и забить в них четырехметровые дубовые сваи, засыпать камнем и залить известью. Дело в том, что за плечами у архитектора был неудачный опыт выпрямления колокольни Сант Анджело в Венеции, которая в результате этих манипуляций обрушилась, и причиной тому был как раз слабый грунт венецианской лагуны. В Москве Аристотель уделил особое внимание прочности фундамента, учитывая грандиозные размеры будущей церкви.

Перед итальянским зодчим была поставлена задача построить московский Успенский собор по образцу одноименного собора во Владимире. Из писем Фьораванти миланскому герцогу мы знаем, что болонец путешествовал по разным городам – видел новгородскую Св. Софию, храмы русского севера, по-видимому, даже добрался до Соловков. Однако в московском соборе, по мнению С. С. Подъяпольского [4, с. 43-44], отразились исключительно черты владими́ро-суздальской архитектуры. Интересно, что владимирский храм тоже строили итальянцы (и южные германцы), Фьораванти сразу опознал руку своих соотечественников. В отличие от Кривцова и Мышкина, которые планировали просто скопировать владимирскую церковь, Аристотель творчески подошел к решению этого вопроса, соединив древнерусскую традицию с ренессансным рационализмом.

На первый взгляд, создается иллюзия полного сходства: кремлевский собор, так же как и владимирский, сделан из белого камня, тоже представляет собой пятикупольную систему, фасад украшен типичным для владими́ро-суздальской архитектуры аркатурно-колончатый поясом. В действительности две постройки имеют важные архитектурные и конструктивные отличия. Владимирский собор является крестовокупольным храмом: центральные проходы в нем (продольный и поперечный) шире боковых и образуют крест, над точкой их пересечения находится купол [1, с. 22]. В силу того, что собор во Владимире строился в два этапа, внутри он получился довольно тесным и темным, в том числе за счет хоров. Совершенно иное впечатление возникает внутри кремлевского храма: много света, просторное помещение. Во-первых, он не является крестовокупольным сооружением, а представляет собой так называемый храм зального типа (устроен «полатным образом» [5, с. 200]): центральные проходы не шире боковых, нефы имеют одинаковую высоту, пространство кажется более равномерным и легким, чему способствуют также круглые и изящные колонны. Для Италии не типичны зальные храмы, просторность помещения – скорее черта светской западной архитектуры [9, р. 161], которую Аристотель решил воплотить в культовой постройке, – впрочем, полученный эффект вполне соответствовал требованиям заказчика, Ивана III: главный собор должен был быть вместительным. При всей однородности внутреннего помещения снаружи центральная глава оказывается на самом деле выше боковых: Фьораванти прибегнул к хитрой уловке, чуть повысив центральную главу за счет лишнего пространства, которое, кроме прочего, могло использоваться как тайник для хранения казны [1, с. 31].

Во внешнем декоре эффект цельности достигается за счет спрятанных абсид: они прикрыты декоративными стенками и разделены между собой полуколоннами. Так что современники, глядя на постройку, восхищались ей, говоря, что собор построен «яко един камень».

Аристотель работал «в кружало да в правило» [5, с. 200], то есть вооружившись циркулем и линейкой. Это было очередным новшеством, не характерным для древнерусского зодчества, которое ярчайшим образом отличает архитекторов Возрождения: именно с тщательных обмеров римских руин начинается Ренессанс в архитектуре [2, с. 21]. По всей вероятности, Фьораванти создал не только чертежи, но и объемную модель будущего собора (в дальнейшем тот же метод будет использован при перестройке стен и башен Кремля). Результат этой работы виден невооруженным глазом: аркатурно-колончатый пояс проходит точно по центру фасада, наружная стена разделена на четыре равные части – прясла – при помощи полуколонн; одинакова высота закомар. Внешней геометрии вторит внутренняя логика: в качестве одной из главных характеристик архитектуры московского собора Подъяпольский указывает деление внутреннего пространства на совершенно одинаковые квадраты-ячейки [4, с. 25]. Именно совершенство симметрии и пропорций выдает в Аристотеле архитектора эпохи Возрождения, знакомого с принципом золотого сечения, при этом декоративные атрибуты ренессансной архитектуры, в частности ордерная система, в его московском произведении отсутствуют [Там же, с. 41]. В некоторых деталях – таких как двойная висячая арочка с гирькой над крыльцом или перетяжки аркатур – прослеживаются черты готики, но в целом Успенский собор нельзя однозначно приписать ни к какому из архитектурных стилей. Опираясь на собственный рассудок, болонский мастер добивается эффекта мягкого слияния разных традиций, примиряя их между собой [Там же, с. 23], и создает нечто самобытное.

Новая материальная база

Нововведения коснулись также и строительных материалов – помимо идеально подогнанных белокаменных блоков Фьораванти использует также кирпич для тех частей, которые должны быть более легкими – своды,

колонны. С этой целью он велел организовать за Андронниковым монастырем в Калитникове уникальные печи для обжига нового типа кирпича, более тонкого, длинного и прочного. Впоследствии именно этот вид кирпича послужит для перестройки всего Кремля. Гарантией большей прочности здания становится также более густой связующий раствор. Той же цели служат и железные связи в стенах и между столбами [1, с. 31] – по сути, уже в XV веке итальянский «муроль» применяет железобетонную технологию! Больше всего изумления вызывают у москвичей, внимательно наблюдавших за строительством, хитроумные машины – прототипы современных подъемных кранов. Завершение четырехлетнего строительства Успенского собора в 1479 году совпало с другим радостным событием – рождением наследника в царской семье, Василия III.

Московский период деятельности Аристотеля после Успенского собора: военный инженер

Выполнив работу, Фьораванти рассчитывал вернуться на родину, однако Иван III категорически не хотел отпускать зодчего, несмотря на настойчивые требования болонских властей. Государь занимался реорганизацией военно-инженерного дела, и здесь Аристотелю Фьораванти принадлежит еще одна заслуга – в 1475 г. он основал первый в Москве пушечный двор, чуть выше Кузнецкого моста, в районе современной церкви Софии премудрости Божией. Именно там отливались пушки, использованные Иваном III в походах против Твери, Новгорода, а также во время знаменательного стояния на Угре. Государю нравилось брать Аристотеля в походы в качестве начальника артиллерии, а в ходе кампании против Новгорода болонец строит понтонный мост через реку Волхов, тем самым обеспечив победу великокняжеского войска. Эта роль Фьораванти заслуживает не меньше внимания, чем роль архитектора главного собора: по сути, организовав пушечное дело в Москве, он внес свой вклад в военные победы государя – присоединение новых земель и освобождение от татаро-монгольского ига!

Мы уже упоминали о том, что Аристотель владел искусством чеканки. На серебряной монете Ивана III, датируемой последними десятилетиями XV в., изображен всадник с мечом с подписью «великий князь Иван Васильевич», а на обороте латинскими буквами высечено *Orristoteles*. Пятилепестковый цветок под ногами всадника считается монограммой фамилии мастера (*fiore* – цветок, *vento* – ветер, *Fioravanti* – цветок, уносимый ветром) [6, с. 30]. Этот образ отражает судьбу Аристотеля – скитальца, гонимого ветром. В 1483 г. болонец попадает в опалу по непонятным причинам, его имущество конфискуют, а самого заключают под стражу. Есть предположение о том, что Фьораванти слишком активно рвался на родину – он ведь выполнил заказ и считал себя вправе быть свободным, однако царь был на этот счет иного мнения. Интересна гипотеза Т. А. Матасовой [3] о том, что поводом для гонений послужил переход мастера на службу к брату Ивана III Андрею Большому – Аристотель вполне мог выступить в роли строителя Никольского собора Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря и тем самым вызвать гнев государя. Фьораванти видел себя вольным мастером, но для Ивана III он был всего лишь слугой, которого он в определенный момент окружил почетом, а потом точно так же в один момент лишил своей милости. Мастера реабилитировали для участия в походе на Тверь в 1485 г., после этого сведения о нем теряются. Есть предположение, что его внук участвовал в Казанском походе Ивана Грозного.

Заключение

В рамках нашей статьи мы подробно рассмотрели историческую и идеологическую почву, которая сделала возможным приглашение Аристотеля Фьораванти в Москву. Были проанализированы архитектурные особенности его главного шедевра – Успенского собора, на примере которого можно проследить процесс сочетания традиций русского зодчества и принципов итальянского Ренессанса: Аристотель предопределил дальнейшие тенденции в развитии русской архитектуры. Фьораванти привнес не только стилистическое своеобразие, но и создал материальную базу для дальнейшего строительства, основав производство кирпича нового типа, а также познакомил кремлевских мастеров с передовой школой архитектурно-строительной техники, применил ранее неизвестные инженерно-технические новинки – подъемные механизмы, а также методы – математический расчет, моделирование. Кроме того, он основал пушечное производство в Москве. Все это позволяет сделать вывод, что именно Аристотель был автором программы реконструкции Московского Кремля – задачи, которую в последующие десятилетия завершили его соотечественники. Логично предположить, что военный инженер обладал достаточными знаниями для проектирования крепости, в том числе с учетом совершенствования артиллерии, которой сам же занимался. Особое внимание в нашей статье уделяется раннему, итальянскому периоду деятельности Фьораванти. Успехи и ошибки этого периода мы соотносим с логикой строительства московской крепости. Кто, как не Аристотель, с его опытом в гидравлических работах, мог спроектировать стоки для отвода воды от крепостных башен (именно отсутствие грамотного дренажа фундаментов стало причиной износа Кремля времен Дмитрия Донского). Именно в период после пребывания Аристотеля в Москве была выровнена стена со стороны нынешнего Александровского сада, а в плане выпрямления стен он был уникальным специалистом даже в Италии. Своим примером и успешной работой Аристотель Фьораванти создал положительную репутацию итальянским «муролям». Характерно, что после него к строительству привлекались архитекторы из Ломбардии: мастер много лет проработал в Милане, поддерживал контакт с герцогом Сфорца и, возможно, рекомендовал Ивану III кандидатуру Пьетро Антонио Солари, которому принадлежит следующая страница в истории Московского Кремля.

В качестве перспектив исследования мы предлагаем изучить особенности преломления итальянской ренессансной традиции на московской почве на примере других архитектурных памятников.

Список источников

1. Бусева-Давыдова И. Л. Храмы Московского Кремля: святыни и древности. М.: Наука, 1997. 303 с.
2. Земцов С. М., Глазычев В. Л. Аристотель Фьораванти. М.: Стройиздат, 1985. 183 с.
3. Матасова Т. А. Русско-итальянские отношения в политике и культуре Московской Руси середины XV - первой трети XVI в.: автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 2012. 20 с.
4. Подъяпольский С. С. К вопросу о своеобразии архитектуры Московского Успенского собора // Успенский собор Московского Кремля: материалы и исследования. М., 1985. С. 23-51.
5. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ): в 43-х т. СПб.: Изд-е Археограф. комиссии, 1853. Т. VI. Софийския летописи. 362 с.
6. Соловьева Л. В. Что и как строили итальянские архитекторы в Московском Кремле в XV-XVI веках. М.: ФГБУК «Московский Кремль», 2018. 87 с.
7. Соловьева Л. В., Ракитина М. Г. К вопросу об участии Софьи Палеолог в приглашении итальянских архитекторов для перестройки Московского Кремля // Исторический вестник. 2019. Т. 28. С. 28-41.
8. Ульянов О. Г. Кто автор программы реконструкции резиденции московского государя в конце XV века: русский правитель или итальянский зодчий? [Электронный ресурс] // Мир истории. 2005. № 2. URL: https://www.academia.edu/2306804/Chi_è_l'autore_del_programma_di_ricostruzione_della_residenza_di_Mosca_del_monarca_nel_tardo_Quattrocento_russo_sovrano_o_architetto_italiano (дата обращения: 15.01.2021).
9. Cazzola P. I "Mastri frjazy" a Mosca sullo scorcio del XV (dalle Cronache russe e da documenti di Archivi italiani) // Arte Lombarda / Pubblicazioni dell'Università Cattolica del Sacro Cuore. Milano: Vita e Pensiero, 1979. № 44/45. P. 157-172.
10. Tugnoli Pattaro S. Le opere bolognesi di Aristotele Fioravanti architetto e ingegnere del secolo quindicesimo // Arte Lombarda / Pubblicazioni dell'Università Cattolica del Sacro Cuore. Milano: Vita e Pensiero, 1979. № 44/45. P. 35-70.

Информация об авторах | Author information

Муштанова Оксана Юрьевна¹, к. филол. н.

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Mushtanova Oxana¹, PhD

¹ MGIMO University

¹ oksanadeer@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.01.2021; опубликовано (published): 15.03.2021.

Ключевые слова (keywords): Аристотель Фьораванти; Успенский собор Московского Кремля; архитектура Московского Кремля; архитектура Ренессанса; Москва - третий Рим; Aristotele Fioravanti; Dormition Cathedral in Kremlin; architecture of Moscow Kremlin; Renaissance architecture; Moscow - third Rome.